

— Но ты не можешь...

Он не успел закончить, как ему снова заткнули рот вяленой рыбой.

Чи Юэ окинул взглядом всех присутствующих и многозначительно сказал:

— Разве не пора запускать фейерверки?

— А? О, да, да, да... Сейчас организую.

— Разрешите откланяться, пойду запускать фейерверки.

— Разрешите откланяться, пойду посмотреть фейерверки.

— Разрешите откланяться, перепил, голова болит.

— У меня живот болит, схожу в туалет.

— Я его отведу в туалет...

Через мгновение зал опустел, даже перышка не осталось.

Янь Були холодно сбил руку Чи Юэ, закрывающую ему рот:

— Ты что, хочешь уничтожить всех четырёх волков цзянху, чтобы успокоиться?

Чи Юэ хитро улыбнулся:

— Разве плохо, что я пригласил их воссоединиться с тобой?

— Ха, чтобы мои братья увидели, как я подчиняюсь демону и каждую ночь развлекаю своего врага из родного клана?

— Подчиняешься? Развлекаешь?

Чи Юэ нахмурился.

— Тебе так плохо со мной? Чем я тебя обидел?

— Ты меня не обижал, но ты никогда не относился ко мне как к человеку с уважением. Ладно, ты глава всех демонов, привык к власти, тебе не до чувств других.

— Но когда ты думал о моих чувствах!

Чи Юэ нахмурился.

— Янь Були, я именно из уважения к тебе не убил Хуа Усиня, но это не значит, что я буду настолько мягким, чтобы подставить шею под нож. Если бы я оказался в их руках, твои братья дали бы мне хоть один шанс?!

— Как ты можешь оказаться в их руках? У этих троих средний IQ ниже моего, если придут, то

только чтобы попасть в ловушку.

Янь Були с тревогой в голосе, чуть не плача, сказал:

— Старый демон Чи, умоляю тебя,пусти их...

— Ты что, дурак? Даже если я их отпущу, они меня не отпустят.

Чи Юэ вздохнул.

— Я могу только пообещать тебе не лишать их жизни.

— Но...

— Ладно, хватит. Сегодня праздник, ты хочешь испортить настроение?

Чи Юэ взял мягкую лисью шубу и укутал его.

— Слышишь? На улице начали запускать фейерверки, пойдём посмотрим.

— Не пойду.

— Слушайся.

— Не пойду.

— Немного и вернёмся.

— Иди сам, у меня нет настроения.

[Считаешь себя важным?]

Чи Юэ ловко нажал на акупунктурную точку и поднял его на руки.

[Хм, в конце концов, я глава всех демонов, мне не до чувств других.

Но... это чувство власти действительно чертовски приятное...]

Башня с видом на родные края была самым высоким местом в Долине Лазурных Глубин.

На верхнем этаже, открыв окно, можно было дотянуться до звёзд. Как и те яркие, но короткие жизни, которые вспыхивают так близко, но, протянув руку, можно схватить только пустоту.

Между небом и землёй, казалось, невидимая кисть разбрызгивала яркие краски на тёмном ночном небе.

Сотни фейерверков взлетали, кружились и взрывались в небе, затем в самый яркий момент увядали и превращались в пепел, исчезая без следа. Как самые красивые цветы зимы, как самые знаменитые красавицы. Мгновение славы, дух вечности.

— Нравится?

Кто-то тихо спросил у него в ухо.

[Ха, он что, думает, что я женщина?]

Янь Були раздражённо ответил:

— У меня глаза уже ослепли!

— Хм, это древние вещи, оставшиеся с сотен лет назад, удивительно, что они ещё горят. Когда-то в Долине Лазурных Глубин было много ядовитых испарений и диких зверей, один мастер из Секты Врат Преисподней, чтобы отпугивать животных, создал эти яркие и ослепительные фейерверки, назвав их «Ослепляющие собаку».

[...]

Чи Юэ, видя, что человек в его руках всё ещё не улыбается, спросил:

— Ты раньше запускал фейерверки?

— В детстве любил поджигать петарды.

Янь Були вспомнил.

— Несколько комнат в доме сгорели, потом отец хорошенько меня отлупил, и я стал умнее.

— Больше не играешь?

— Пошёл играть к соседям.

[...]

— В Восточной столице на Новый год на каждой улице выставляли длинные гирлянды петард, как дракона. Ранним утром первого дня нового года их поджигали, и они громыхали от начала до конца улицы. Если петарды застревали у чьих-то ворот, это означало, что в этом доме в новом году будет неудача.

Янь Були хихикнул.

— Поэтому в канун Нового года я поливал водой петарды у ворот соседей...

Чи Юэ тоже засмеялся:

— Твои соседи ещё живы?

— Живы, и ещё как. Когда не хромают, могут гнаться за мной пол улицы, а когда состарились, начали выпускать собак, и благодаря их собакам я развил свою лёгкость.

Чи Юэ, поглаживая подбородок, подумал, что это неплохой способ тренировки, можно использовать его для учеников.

За пределами Башни с видом на родные края все члены Секты Врат Преисподней, включая собак, невольно вздрогнули.

— Но сосед старик Ван был неплохим, в праздники раздавал детям конфеты. Хотя, возможно, потому что среди этих детей был его ребёнок...

— Ты... уверен, что не имеешь к нему отношения?

— Я такой красивый, как я могу быть с ним связан? Я точно родной сын своего отца!

Янь Були закатил глаза.

— Хотя каждый раз, когда отец меня бил, он ломал одну метлу, что заставляло меня сомневаться в своей крови...

Чи Юэ усмехнулся:

— А мать тебя била?

— Мать не била, но очень много ворчала. Иногда её нытьё сводило меня с ума, и я предпочитал, чтобы она меня просто отлупила.

Янь Були опустил глаза.

— Но когда я какое-то время не слышал её ворчания, мне даже стало немного пусто.

За окном огненные деревья и серебряные цветы постепенно угасали, пока последний луч света не исчез в темноте, и Долина Лазурных Глубин погрузилась в тишину. В воздухе витал лёгкий запах пороха — аромат Нового года.

Прохладный ветер дул с другой стороны горы, заставляя звёзды над головой мерцать и мигать. Чи Юэ поднял голову, его глубокие глаза, как вода, отражали серебряный свет, звёзды рассыпались, как иней. Он закрыл окно и услышал тихий вздох из своих рук:

— Чи Юэ... мне стало скучно по дому.

— Когда родишь ребёнка, отвезу тебя домой.

— Правда?!

— Да, мне тоже стоит навестить тестя и тещу, и соседа старика Вана...

Положив его на кровать, Чи Юэ разблокировал его акупунктурные точки.

Янь Були, разминая затекшие суставы, буркнул:

— Лучше тебе не появляться, а то их напугаешь.

— Я что, очень уродлив?

Кто-то вдруг приблизил своё лицо к его, их глаза встретились, носы почти соприкоснулись.

— Эээ, нет.

Янь Були кашлянул, отводя взгляд.

— Просто от тебя пахнет черепахой, это противно...

— Повтори, я не расслышал.

— Я сказал... что патриарх обладает властной аурой, которая вызывает страх... стра... стой, что ты делаешь? Я ведь беременный!

Чи Юэ неторопливо грыз его шею:

— Ты знаешь, что черепахи, когда кусают, не отпускают?

— Я помню, кто-то сказал, что я — навоз, ты уверен, что хочешь меня кусать?

Янь Були отталкивал его руками.

— Ты вообще кто — черепаха или навозный жук?

— Ты...

Чи Юэ на лбу набухла вена, он сдержанно глубоко вдохнул.

— В следующий раз, когда будешь со мной в постели, молчи.

— Почему?

— Боюсь, что не смогу сдержаться и ударю тебя.

Кто-то притворно потер живот:

— Мой бедный сын, твой негодяй-отец хочет убить меня, когда родишься, обязательно отомсти за меня.

— Дурак.

Чи Юэ снял одежду, обнажив мускулистый торс.

— Я хоть раз поднял на тебя руку? А ты сколько раз ранил меня, ты считал?

Янь Були поднял глаза и увидел на его груди яркий шрам, словно боль, которую время не могло стереть.

Он мягко провёл пальцем по шраму и тихо сказал:

— Тогда, увидев, что ты в порядке, я, хоть и удивился, но почувствовал облегчение. Теперь понимаю, что оба раза, когда пытался убить тебя, в глубине души я надеялся, что это не получится.

— Но если бы всё повторилось, ты бы снова нанёс тот удар, правда?

Янь Були смотрел в пустоту:

— Если бы можно было начать сначала, я бы, наверное, погиб вместе с тобой.

В конце концов, он не мог предать память погибших, не мог отказаться от своих принципов, но и не мог пойти против своего сердца и не мог принять уход этого человека.

Как в этом мире можно найти способ не предать ни мир, ни своё сердце? Лучше умереть, чем жить в вечном страхе.

<http://bllate.org/book/15303/1352414>